

ВЛАДИМИР РАДКЕВИЧ

ВЛАДИМИР
РАВНОВЕСИЕ
РАДКЕВИЧ

ВЛАДИМИР
РАДКЕВИЧ

РАВНОВЕСИЕ

Пермское книжное издательство
1984

Поэт Владимир Радкевич родился в городе Белом Смоленской области. Окончил историко-филологический факультет Пермского университета. Работал инспектором областного отдела культуры, заведующим сельским клубом, литсотрудником в газетах, корреспондентом Пермского радио.

Печататься начал еще студентом в 1947 году. Первый сборник В. Радкевича «Добрый путь» вышел в свет в 1951 году. С 1959 года В. Радкевич — член Союза писателей СССР.

За годы творческой деятельности были изданы поэтические сборники «Прорезка к солнцу», «Под звездами», «Уральская лирика», «Камский мост», «Избранное», «Стихи разных лет» и другие. «Равновесие» — новая книга поэта.

РАВНОВЕСИЕ

Кама,
Медленная странница,
Я опять к тебе иду.
Мы живем,
А ты не старишься —
С новой юностью в ладу.
Звезд и глаз
Такое множество
В глубине хранишь своей.
Все твое.
И только мужество —
Доля смертная людей.
Мы ни в чем не виноваты,
Наша доля — высока...
Как последний след утраты,
Проплывают облака.
Роща веточки развесила —
Над землей и надо мной.
И нисходит равновесие
Между небом
И землей.

ЯБЛОНЯ

Как горизонты осени чисты!
Пусты поля, остывшие от жатвы.
И равнодушно

желтые листья

Мне под ноги под яблоней ложатся.
Нет, никому до срока не отдам
Морозцами прихваченного сада,
И по садам я, как по городам,
Пойду бродить —

где надо и не надо.

И что б ни случилось в будущем со мной,
Моя душа пощады не попросит,
Пока есть молния,
Пока есть сад земной
И яблоня,

что ждет и плодоносит.

И рвала за собой мосты.
Пермяки
на февральской Каме,
Обрываясь,
кровавя лед,
Обмороженными руками
Поднимали
стальной пролет!
Завершение дела славного —
Ликование кумача.
Вижу
митинг
и Ярославского
С телеграммою Ильича —
Ту дорогу одноколейную
Над разрушенным миром зла,
Что,
как совесть людская,
к Ленину
Весь Урал,
всю Сибирь вела...
Только так —
на ветру жестоком,
Только этим путем —
до звезд.
Встаньте,
люди!
Прильните к окнам:
Начинается
Камский мост!

К ЛЕНИНУ

Когда деревня, правду заприметя,
Вождей искала вместо вожаков,
У Ленина в кремлевском кабинете
Сошлись пути российских мужиков.
За сотни верст, и впроголодь, и в темень,
Они брели на путеводный свет,
И пулями освистанное время
Едва за ними попевало вслед.
И слезно бабы голосили сзади,
А там, у приуральского села,
Укрытая до времени в засаде,
Свистела вьюга, словно шомпола.
Лишь небосвод теперь давил на плечи,
Пусты котомки — голод иссушил.
...Ильич вставал и быстро шел навстречу —
Как будто к ним на выручку спешил.
Они за правдой шли и дни, и ночи.
И, у дверей встречая ходоков,
Хотел Ильич,
 чтоб стал их путь короче —
Хотя б на эти несколько шагов!

КУНГУРСКАЯ БЫЛЬ

Тойно-озеро, Тойно-озеро,
Незнакомое мне село —
Ни забвеньем не заморозило,
Ни годами не замело.
Там рябин огневая спелость
Дарит краски осенней заре...
Мне б увидеть ее хотелось
В восемнадцатом,
В сентябре.
Ночью филин надсадно ухал.
Но в предутренний злой туман
К Красной Армии вывел Блюхер
Приуральских бойцов-партизан.
И забылись в разгаре встречи
Сотни верст по лесам глухим
И кровавое то Трехречье —
Переправа на речке Сим.
Вот они —

партизаны прославленные,
Уничтоженными объявленные,
Трижды к смерти приговоренные,
Но врагами
не покоренные,

Те,
кем белая банда разгромлена,
А Советская власть — расширена:
Наши,
Красные конники Томина
И полки партизан Каширина.
Мы в легендах еще расскажем,
Как вы,
 смертию смерть поправ,
Шли вперед
 в окруженье вражьем,
Молча гибли у переправ,
У предгорий, у перелесков —
До Кунгура
От Белорецка!

* * *

В ночи мокрые и безлунные
Осень жгла мелколосье хмуρο.
Но шахтерская мать
 из Луньевки
Без дорог добрела до Кунгура.
Вся в морщинах, сухая,
 маленькая —
Повидала, знать, на веку...
Прямо к Блюхеру:
 — Сёмы маменька я,
Он —
 в Уральском твоём полку.
Мне сыночка бы повидать

Да гостинцы бы
передать...
...Твой шахтер,
твой меньшей, любимец,
Не вернется.
Убит твой сын.
Пулю вражью —
такой гостинец
Получил он на речке Сим.
Утешать тебя
вряд ли надо —
Неизбывна беда твоя..
Но остались
бойцы отряда,
Все они —
твои сыновья!

* * *

В сырой осенней хмури
листья парят.
А в городе Кунгуре
идет парад.
По крышам, по оградам
мальчишки — к небесам:
Блюхер парадом
командует сам!
Помыты гимнастерки.
Парад принимать
Будет шахтерка,
уральская Мать.

Обольстительный дух пельменей
Над дворами Перми витал.

И, предчувствуя сытый отдых,
На перины, как на насест,
Пермь влекла своих жен дородных
И грудастых своих невест...

Но с восходом
на мировую,
Багровея, не шел закат,
И ложились на мостовую
Тени будущих баррикад.

То, изведав любое лихо,
Смутно грезил про Пятый год
Отгороженный Егошихой
Мотовилихинский завод.

ЧЕРДЫНСКИЙ ВЕЧЕР

Тени черные, вечерние —
От зари наискосок.
Берег Колвы
 возле Чердыни
И обрывист, и высок.
За рекой леса зеленые,
Вместе с ними —
 помолчи...
Солнце
 стрелами калеными
Мечет поздние лучи.
Здесь
 над белыми соборами
Птицы черные кружат,
Пять веков
 под косогорами
Люди русские лежат.
Не прибытком озабочена —
Для иного торжества
Собирала земли отчие
Дальновидная Москва...
Тишина такая хрусткая,
Словно льдинки по весне.

Старина такая русская,
Что она живет во мне.
Я того же роду-племени,
Что и те,
 под крутизной.
Холодит дыханье времени
Где-то рядом, за спиной.
Только музыка недалняя
Льется в сумерки,
 как свет.
Это школа музыкальная
Репетирует концерт.

* * *

В каждой сосенке сердцем узнан,
Расскажи мне, седой Урал,
Где, в какой богатырской кузне
Ты природу свою ковал?
Как ты выдумал эти горы,
Синим лесом покрытые сплошь?
Почему на заре в озера
Ты металл расплавленный льешь?
А за Камой в ночи недалней
Тяжкий молот все бьет и бьет.
Так ударит по наковальне —
Только звезды под небосвод!
Сталеваром будь иль поэтом —
Только жить тебе суждено
С этим пламенем, с этим светом,
С этой молнией заодно.
И в тебе найдет продолженье
И тайга, и речной простор,
И магнитное притяженье
Этих древних железных гор.

* * *

Памяти С. Гинца

Вечно Каме по жизни народа струиться —
В перекличке гудков, в тихом шуме лесов,
Где ее на рассвете свободные птицы
Прославляют на сотни лесных голосов.

В том разливе — такая спокойная сила,
Столько он и надежд, и любовью собрал,
Что без Камы Россия — уже не Россия,
Что без Камы рабочий Урал — не Урал.

Годы, как облака, все шумят надо мною,
Вдоль по жизни иду — по колено снега.
Но я счастлив и тем, что невидной волною
Бился, Кама, и я о твои берега.

Из цикла
«СЛОВО О БЕРЕЗНИКАХ»

* * *

Я ищу этот город
в преданьях и в памяти сердца,
Словно в снежную заметь,
к нему пролагаю тропу.
Город — как человек.
Он рождается, любит и сердится
И проходит, смеясь и ликуя,
у майских трибун.
Я за ним наблюдал,
утомленно подошвами шаркая,
То в домах, то в Дворцах,
то в музее,
смешавшись с толпой.
Так мальчишка следит
за полетом воздушного шарика:
Чуть рванется из рук —
и уже высоко над тобой!
И, как будто почувствовав,
что для поэзии требуется,

Город мне раскрывался —
но только на миг и слегка.
И трещали натруженно
ребра троллейбуса
Под напором рабочих
с калийного рудника.
И, презрев светофоры,
мерцавшие у перекрестка,
Вечер шел напролом
и стучался в любое окно.
Выпив вовсе не кофе
в кафе под названьем «Березка»,
Парни ждали девчонок
и шли по соседству в кино.
Север в лица дышал, по-таежному лютой,
И метельные тучи
свисали сугробами с крыш.
И опять драмтеатр:
«Рассудите нас, люди!» —
Тщетно к людям зывал
с театральных афиш.
Я ходил и глядел.
Но при этом досмотре подробном
Видел улицы. Баню. Вокзал.
Ну, а главного — нет и следа.
Только жизнью своей,
по своим образцам и подобьям,
Создаем мы любовь,
и мечту,
и свои города.
Я люблю этот город!
И как тут в стихи ни рассовывай

Всю сумятицу встреч,
 важен главный исток и родник:
 Что на этой земле
 и живет, и работает содовый,
 Что под этой землею
 грохочет калийный рудник.
 Я люблю этот город —
 за ясность проспектов и планов,
 За рабочую юность,
 ее окрыленную власть
 И за Камушку-Каму,
 которая тихо и плавно
 На полнеба
 по воле моей
 и твоей разлилась;
 За газоны и клумбы
 в росистых предутренних искрах,
 И за первосентябрьский —
 для школьников — Праздник Цветов,
 И за взлет и стремительность
 зданий конструктивистских,
 Очень схожих конструкцией
 с юностью наших отцов.
 Я стучусь в эту юность:
 — Скажите, вы были какими?
 Тридцать лет между нами.
 Скорей разберите завал!
 Покажите мне город,
 который Республикой Химии
 Молодой Паустовский еще называл.
 Что вы знали?
 И что в сновидениях видели,

Тряслись работяги в кашле.
Кайла в камень втыкали.
Со спин соленые капли
В землю опять втекали —
Кровавые, потные, частые,
От зноя и гнева палящего.
И тихо тикали часики
На животе управляющего.
Но капли долбили камень!
Земля ~~рвалась~~ из оков,
Предчувствуя здесь, на Каме,
Рождение Березников.

* * *

Ай, Пермь,
какие барышни
С откоса машут ручками!
А мы себе на барже
Работаем грузчиками.
Червонцы по карманам —
До встречи в пивной.
Но крикнул Ардуанов:
— Айда за мной!
Кули потаскали,
И — баста, крест.
Ай, трест «Союзкалий»,
Хороший трест:
Дал спецодежду,
Выдал аванс.
— Вся страна с надеждой

Смотрит на вас...
Барышни поплакали.
Привыкли немножко.
Три дня внизу на палубе
Пиликали гармошки.
Сосенки над кручей.
Приехали, стоп!
Был ты, парень, грузчик,
А стал — землекоп.
Ну, нет!
Лопата, скажете?!
Мала! —

 не с руки,
От земной тяжести
Гнулись черенки.
Мы сравнивали горы.
Срывали холмы.
Земля рожала город,
А город — это мы!
В пыли,
 спецовки рваные,
Побреемся потом.
Бригада Ардуанова
Дает бетон!
Хоть натошак да впроголодь —
Никто не тужил,
А дисциплина строгая
Без всяких дружин.
Не брали на поруки.
Любой понимал:
Нельзя марать нам руки —
Серго их пожимал.

Нас с музыкой встречали:
— Да здравствуют бетонщики!
Нам девушки вручали
Букетики-бутончики.
Бетон — важнее хлеба,
Нужнее наград.
Бетон — трубою в небо
Химкомбинат!
А вьюга лютела,
Наделала дел:
Как мерзлое тело,
Бетон твердел.
И небо затвердело,
Как стылый наст...
И вся страна глядела
С надеждой на нас!

* * *

— Я московский рабочий. Кадровый.
И к чему тут слова, подход?
Нам привычно:
 шинельки скатывай
И — в поход!
Мы ведь грамотные.
 Газеты читаем.
Приучились при Ленине,
 пролетарском вожде.
И про Англию.
 И про конфликт с Китаем
На КВЖД.

А тут — раздумывать не приходится,
Дело кровное как-никак.

Им же трудно сейчас приходится —
В Березниках!

Вся страна

 склонилась над картой.

Лес. Урал. А зимой — тяжело.

Я ж — московский рабочий.

 Кадровый...

Когда формируется эшелон?

* * *

Ворчуны, жизнелюбы,

 в жизни — вовсе не паиньки,

Мы обычные люди.

 И не ставьте нам памятники.

На уральских заводах

 нашу жизнь продолжаете.

На заслуженный отдых

 вы нас провожаете.

Нас зовут ветеранами.

 Приглашают учащиеся.

Но рассветами ранними,

 к сожаленью, все чаще

За гудком пароходным

 по синеющим рекам

Мы неслышно уходим

 в звезды, в роздыми, в реквием.

И над нами закаты,

 как знамена, припущены,

Коммунисты, солдаты —
мы в бессмертье пропущены,
Вам и слезы, и славу
этой жизни стремительной
Завещаем по праву
первостроителей.
Но до будущих дней,
до великого таннства,
Мы листвою тополей,
мы травинкой дотянемся.
Споря, радуясь, мучаясь,
рвитесь в звездные выси —
Наша участь
теперь
от живущих зависит.

Цветут над землею вишни.
А выше, а чуточку выше
С ведерком и кистью девушка
За лучик весенний держится.
Березонька, белобровочка,
В платочке березниковочка
Хлопочет под солнцем и дождиком
О доме, совсем новорожденном,
И окна смеются, вымыты,
И краски чисты, как вымыслы...

Говорит почти неслышно,
Глаз не видно в полумгле:

— Жизнь моя — как эта вишня.

Корни прячутся в земле.

Корни крепко держат вишню,

Хоть листочки и дрожат.

В землю лег отец у Вислы

Девятнадцать лет назад.

Одинокой не забота ли?

Нас ведь трое — мал-мала.

Мать в колхозе на ферме

работала.

Простудилась и умерла.

Младших взял в детдом

заведующий.

Я — одна в пустой избе.

Но была соседка сведущей:

— В город надобно тебе!

Поживешь,

Потерпишь малость,

Зато — сытая.

Нянька — это специальность

Дефицитная...

Город, город — сто дорог,

Только б вырасти!

Ты катись, колобок,

Лет четырнадцати, —

Нянькой, стряпкой, судомойкой,

В кухни и в дровяники.

...На путевке

комсомольской

Я прочла:

«Березники».

Пусть говорят и бьют в колокола...
А это просто по земле

Любава,
Уральская красавица, прошла.
Романтикой

тогда не назывались
Палатки
и походные костры —
Стихи,
как и железо,
добывались

Из самых недр
родной Магнит-горы!

Я счастлив,
Что не ведал одиночества,
Не раз с Ручьевым шел —

рука к руке.

Он говорил мне:

— Так, Володя, хочется

Погладить слово каждое в строке...

От памяти о нем

куда я денусь?

Был жизнелюбом,

стойким до конца.

Писал мне:

«Болен.

Но еще надеюсь

Вы-ка-раб-кать-ся!»

Десятый год

снега идут и тают,

И с каждым годом

все яснее нам:

ТАЕЖНЫЕ ЯБЛОКИ

Хотя в снегах нетронутых
Над Камой берега,
Запахла вдруг
 антоновкой
Уральская тайга —
Да так,
 что лето новое
Лучисто и светло
В рабочие столовые,
Как будто в сад,
 вошло!
Сердцами гордо властвуя,
Храни цвета зари,
Здесь
 яблоки грудастые
Лежат, как снегири.
Смеясь,
 девчата ладные
За несколько минут
Дары далекой Латвии
В охотку разберут.
Подсядут
 парни русые:

За вами, мол, должок!
Эй, яблоко, похрустывай,
Как под ногой снежок.
— Пришлись по вкусу
яблочки?
Так ешьте на здоровьице! —
На милых щечках
ямочки
Лукавее становятся.
Нет, не от бога
явно
Старинный тот искус —
Жизнь пробовать, как яблоко,
На ощупь и на вкус!

СТАРЫЙ ПОСЕЛОК

У дороги,
где в ямах ржавеет вода,
Виден старый поселок —
дома в два ряда.
Ночь бредет из тайги,
спотыкаясь о пни,
А в поселке
ее не отгонят огни.
Дрогнет чуткой ноздрей
растревоженный лось.
Поумерит медведь неумную злость.
Волчья стая, скуля,
будет рыскать вокруг —
Слишком грозен еще
человеческий дух,
Слишком крепок еще
для лесного зверья
Запах пота,
солярки,
железа,
жилья!
Ночь бредет,
спотыкаясь у коряжин и пней.

Все темней.

Но в поселке не видно огней.
Лесорубы оставили эти места —
Здесь работы не стало.

Их совесть чиста.

А поселок уходит

в безвестную тьму.

И нисколько не страшно ему.

Он свое отслужил.

Он хозяев с работы встречал.

Он младенцев

в березовых люльках качал.

Слышал песню и ругань,

слышал хохот и стон

И на свадьбах —

стаканов залиvistый звон.

Он в мороз согревал,

хлеб и отдых давал,

В праздник — двери друзьям

широко открывал.

Он свое отработал.

За таежной грядой

Встанет брат его младший,

его сын молодой.

Новой песней

и новым рождением молвы,

Добрым срубом

в янтарных росинках смолы,

Детским плачем

и окриком строгим отца,

Звоном ведер

у вымытого крыльца,

Перебранками,
шутками молодух —
Вновь рванется
В тайгу
Человеческий дух!

речной простор.
— Ох, что надели? —
кричит парторг.
— Эх, работа жаркая,
эх, оплата сдельная,
замочить не жалко мне
туфельки модельные!
Выводят бревенки —
с багром, как с посохом,
в сапожках новеньких
идут, как посуху,
глядят невинно,
бровь

не прихмуривают.
В сторонке финны
стоят покуривают.
Толк знают сами
в любом заломе —
не здесь,

на Каме,
а там,
в Суоми.
Стоят и сетуют,
покорены:
— Эх, нам бы этаких!
...Самим нужны!

ТИШИНА

И снова в целом мире ни души!
Мерцает в небе мокрый звездный ковшик.
И только осень листьями шуршит,
В их бурой груди роясь, как старьевщик.
Поднимет, бросит ветру-попрошайке,
И снова тихо. Вот и на седе
Огни погасли...

Тише, не мешайте
Так много поработавшей земле!

Когда поймешь наверняка,
Что кровная твоя частица —
И лес, и поле, и река...
На жизнь нам отдана планета,
А не на временный постой!
Еще луга в разгаре лета
Нам дарят
 трав своих настой,
К рассвету тянутся деревья,
Где могут птицы гнезда вить,
Все это —
 русская деревня,
И хорошо в деревне жить...

* * *

С. М.

Снова небо дождями намокло,
Лето в прошлом —
зиви не зиви.

Сколько лет
мы все бродим около
Нашей поздней
ненужной любви.

Что ж,
признаем ее неизбежность,
Пару лет еще погоды...

А пока —
теплота и нежность
Сквозь холодный
наплыв
дождя.

* * *

Я просто хочу, чтобы ты жила,
Чтобы твой дом не сгорел дотла,
Чтоб поле за речкой и этот сад
Не искромсал бы кромешный ад...

Синее небо тебе к лицу,
Золото хлеба тебе к лицу.

Я от беды тебя сберегу.
Я даже представить себе не могу,
Что можешь ты мертвой лежать на снегу,
Что горе надломит гордую стать,
Что ты не успеешь матерью стать...

ВОСПОМИНАНИЕ

Нет, она не менялась
И при встрече любой
Так же дерзко смеялась:
— Я не верю в любовь!

Этой теме касаться —
Как на камень коса.
Но ее святотатство
Потрясло небеса.

Словно смех громовержца,
Лился яростный свет
В потрясенное сердце
Восемнадцати лет.

А весна полыхала,
Куда ни ступи.
А подружка вздыхала:
— Ты смотри не сглупи!

Боль и радость земная —
Все смешалось в одно...
Ничего я не знаю!
Это было давно.

Скрип тяжелых уключин
На речной синеве.
И серебряный ключик,
Чуть приметный в траве.

Ах, куда мы на лодочке?
Там, в кустах за рекой,
Две стыдливые звездочки
Я прикрою рукой.

Был я слишком обыден,
Очень просто судя...
Как тебя я обидел!
А быть может — себя.

ЛИВЕНЬ

О, ливень, лей — хотя бы до ночи,
По листьям, лицам, на авось.
Весна, глаза твои девчоночьи
Меня увидели насквозь.
Ты в небе тучку тянешь волоком —
Как будто нехотя, с ленцой.
И розовеет там, за облаком,
Твое лукавое лицо.
Ты подо мной качаешь веточку.
Ты надо мной хохочешь всласть.
Ах, в блузке в синенькую клеточку,
Скажи, откуда ты взялась?
Но я не удивлен ни капельки!
Ты из заречного села,
Роняя с кос росинки-капельки,
Ко мне по радуге пришла!

ВЕСЕННЕЕ

Если взор у тебя горяч,
Ты его от людей не прячь.
Ничего тут плохого нет,
Что в глазах твоих смех и свет.
Просто в них, в голубых, весна
Ходит — и не находит дна.
Взгляд на хмурое небо кинь —
В хмуром небе проглянет синь.
Реки быстрые стиснул лед.
Ты посмотришь — и лед сойдет.
На земле, где ступила ты,
Жарко вспыхивают цветы.
И весна не была б весной,
Если б ты не была со мной...

В ДОЖДЬ

Клонят ивы стволы кривые,
На реке круги дождевые.
Дождь сильнее, а ветер тише —
Гонит ливень людей под крыши.
Так скорей же, скорее вместе
Без дороги — к домам предместья!
Только, милая, может статься,
Вовсе незачем нам спасаться.
Видно, это не в нашей власти —
Убежать от себя, от счастья.
У тебя, как будто слезинки,
На ресницах дрожат дождинки.
Это все ничего не значит —
И от счастья, бывает, плачут...

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

Астрономы ошиблись.
Они не могли догадаться,
Что Вселенная нынче
пойдет по особым путям.
Их расчеты и выкладки,
их непреложные святцы
В этот день почему-то
ко всем полетели чертям!
Так спешите ж!
Берите очки, закоптелые стекла,
Забирайтесь на крыши,
следите за солнцем и мглой.
В небе — черная туча.
Дождем эта туча размокла
И прошла над пустынной и скорбной
землей.
Потемнели деревья и травы.
Померкло светило.
Глухо воют собаки.
Земля в непроглядной тени.
...Словно солнце,
любовь твоя
Долго и верно светила

Жарким светом и пламенем
в жаркие светлые дни.

Черный день наступил.

Но откуда, откуда он взялся?

Отчего этот день,

этот свет,

этот луч заңемог?

Хоть бы краешек солнца

в улыбке твоей

показался!

Я б увидел его.

Я бы к сердцу прижал

И сберег.

* * *

Ждали —
 к лучшему все переменится,
А друг друга не знали ничуть:
Переможется, мол,
 перемелется,
Образуется как-нибудь!
Так и жили, пока были молоды,
В каждой ссоре вина не себя.
Поглядели —
 ан все перемолото:
И любовь, и судьба, и семья.

* * *

Есть дома-нелюдимы,
Никем не любимы.
Там на песню — запреты.
Там калитки, как щели.
Там читают газеты
Вечерами каши.

Упиваются слухами —
Как на льдинку становятся.
Там невесты старухами
В одночасье становятся.

И глядятся, немея,
В чьи-то очи холодные.
Только слышно, как змеи
Шипят подкожные.

В этом мертвом затишье
Все надежно упрячут.
То ли дождик по крыше,
То ли женщина плачет?

СТИХИ О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Я в этом доме — просто гость,
гость у своей жены.
Кипела медленная злость
под видом тишины.
Хоть ты молчи, хоть ты кричи —
ни ночи нет, ни дня.
Глядели круглые зрачки
куда-то сквозь меня.
А я прозрачным быть не мог
и даже — не хотел.
Но все ж ложился на порог
и под ногой хрустел.
Она рядила вкривь и вкось,
всему была судья.
А ночью, как собаке кость,
бросала мне себя..
Я словно бы в тяжелом сне,
и не поднять руки..
И всё по мне, и всё по мне
шагают каблуки.

* * *

И вдруг поймешь,
что боль уже утихла:
Увидишь под окном снежочек рыхлый,
Поля в сугробах,
перелесок синий
И на ветвях берез — мохнатый иней...
Легко дышать и любо жить на свете,
Скользить на лыжах к дремлющей реке.
Снежинки тихо тают на щеке —
Как хорошо сегодня: снег да ветер!
И мне не жаль, что где-то там, далече,
Твоя рука лежит в чужой руке.
Ты — как лесок,
что мне попал навстречу
И вот уж чуть темнеет вдалеке.

* * *

Ты кому улыбки раздавала?
Птицам, ветру и попутно мне.
Огонек веселый раздувала,
И трещали веточки в огне.
Ты к костру
 тянула руки, греясь.
Были губы теплые — горьки...
Я теперь сижу,
 как погорелец,
И держу в ладошках угольки.

ССОРА

Я от тебя ушел. И здесь, в лесу.
Ничто теперь мне не напомнит
Ни глаз твоих, ни слов твоих, ни слез.
От прошлого надежная защита —
Холодное безмолвие деревьев,
Спокойных и бесстрастных, как столетье.
Да. Мне казалось, что прошло столетье
С последней нашей встречи.

Тишина

Густая, как смола, мне льется в вены,
А высоко на неподвижных ветках
Лежит холодный и блестящий снег,
В котором навсегда застыло солнце.
Так думал я.
И вдруг родился ветер.
Сначала он качнул верхушки сосен,
Слегка пригнул и сразу отпустил,
Наполнив лес негромким смутным гулом.
Потом притих на несколько мгновений
И вдруг, ударив с яростною силой,
Вцепился в потрясенные деревья.
Круша их,

и ломая,

и корежа,

* * *

Не стремительной легкой поступью,
Где уместны бы два крыла,
Не волос твоих дымной россыпью
Ты за сердце меня взяла.
Приподнимешь ресницы темные,
И глядит из тебя самой
Что-то древнее, затаенное,
Как природа перед грозой.
Сердцу эту грозу не выдержать.
Кардиограф, скорей измерь...
Встать со стула, на улицу выбежать
И — за тридевять быть земель!
Но в любой стороне на свете
Все равно ты меня найдешь,
Не случайна, как дождь и ветер,
Безрассудна, как ветер и дождь!

* * *

Это главное зло, что красивая ты.
Никому не тепло от твоей красоты.
Не любя, не скорбя от обид и остуд,
Ты проносишь себя, как хрустальный сосуд.
Тонко льдинки звенят посередине зимы.
Каждый ласковый взгляд — под проценты,
взаимы.
Никому — не жена, никому — не сестра,
Ни во тьму — окрыленность костра.

* * *

Я становлюсь беднее с каждым днем,
И, как бедняк,
я от всего зависим:
От колоса, примятого дождем,
От голоса,
от глаз твоих и писем.
Да, я с тобой
счастливей был стократ,
Ты жизнь легко и просто понимала:
Чуть небо хмурилось —
ты насылала град,
А ветер дул —
ты бурю поднимала.

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Снова дороги легли между нами
Ширью лесов, синевою морей.
Это неправда, не верь, что с годами
Мы забываем своих матерей!

Сыну всегда ты спешила на помощь —
Там, где никто бы другой не помог.
Даже в ненастье, в дождливую полночь
Вижу в окошке твоём огонек.

Как я хочу на тебя наглядеться!
Солнышком ясным мне сердце согрей —
Рядом с тобою не старится детство
Взрослых, далеких твоих сыновей.

Мама, прости мне, что доля земная
Для матерей до сих пор нелегка...
Ты подожди меня, мама родная,
Ты не гаси своего огонька.

* * *

Я жить хочу
 в годах пятидесятых.
Хочу бродить,
 как в утренних садах,
В тех позабытых,
 временем распятых
И все же —
 вечно молодых годах,
Когда я жил взахлеб,
 и днем и ночью,
Ощупывая жизни новизну.
И все вокруг
 сквозило этой новью
И мартовским намеком на весну.
И вся земля
 так зримо и упрямо
Кружилась на весеннем сквозняке...
А я был молод.
И живая мама
Меня встречала в тихом городке.

* * *

Без мамы я жить не умею,
Но черную яму — насыть...
Как в сказке, по грудь каменею,
И трудно мне камень носить.

Как страшно ветра голосили
На проводах белого дня!
Как будто частица России
Навеки ушла от меня.

* * *

Л. Давыдычеву

И все-таки
мы в смерть родных не верим,
Она для нас пугающе чужда.
И равнодушны к тягостным потерям
Дарованные вечностью года.
Все тот же день.
Все тот же лист осенний,
Слетев с березы, кружится легко.
И мы живем в счастливом заблужденье,
Что где-то, очень-очень далеко,
Еще во ржи звенит кузнечик тонко,
Еще траву босые ноги мнут...
А вдалеке
так радостно и звонко
Нас молодые матери зовут!

* * *

Никого утешать
да и сам утешаться не стану.
Ни на службе, ни дома
теперь мне его не застать.
На весенней земле
мы лопатами вырыли рану —
Долго ей кровоточить
и в наших сердцах зарастать.
Горько мне говорить,
что мы память о нем сохранили,
Если память жива,
ну, а все остальное — мертво.
И все кажется мне,
что ошиблись — живьем схоронили
И улыбку, и смех,
и приветливый голос его.

ПРОГУЛКА ПО КАМЕ

Сергею Смирнову

Хмельны и здоровы пока мы,
Что сбудется с нами — не в счет!
По Каме, по Каме, по Каме
Веселый плывет пароход.

И женщина тихо смеется,
Но дело не только в вине —
У нас незакатное солнце
Танцует на каждой волне!

И солнце стоит за штурвалом
У кромки речной синевы,
Где мы привечаем Уралом
Хороших людей из Москвы.

Не чахлые летние дачи —
От ветра гудит окоём!
А пристань все дальше
и дальше,
А мы все плывем и плывем...

Зачем же мне мостик над бездной
К тому отблоставшему дню,

**ПАМЯТИ
НИКОЛАЯ КУШТУМА**

Редеют леса на Урале —
У рек,
 у озерной воды.
А мы-то себя уверяли,
Что долго еще до беды!

Лишь праха ничтожная щепоть
Да гиблая черная мгла,
Где птичий улыбчивый щебет,
Где песня лесная была,

Где с зеленью солнце смешалось,
Листою на землю лилось,
Чтоб людям полегче дышалось,
А значит, полегче жилось.

Мы только на миг притихаем
У самой последней черты.
Уходим. И жить привыкаем
Без мягкой лесной доброты.

Прощай же, зеленое чудо!
Все громче стучат топоры

И около камня Полюда,
И около Думной горы.

Земля еще терпит и кормит —
Мы старшие в общей семье.
Когда обнажаются корни,
Нам трудно стоять на земле!

К молчанью природы привыкнув,
Ты сам расстоянье проверь
От нынешних скорых прибытков
До будущих долгих потерь.

И все, что мы так потеряли,
Лишь дымом ушло в небеса.
Редеют леса на Урале...
Да если бы только леса!

Все горюет о ректоре
Ботанический сад...

Я поверить посмею,
Что, уйдя в темноту,
Сохранил и посмертно
Он свою доброту.

Просто, без молодечества,
Смог ее уберечь
И под ноги студенчества
Нужной улицей лечь.

Чтобы, к жизни причастны,
Не забыв ничего,
Мы, хотя бы не часто,
Вспоминали его.

Ваша юность — другая.
И в песнях другие слова.
И меж нами иные не видят
ни капельки сходства.
Но мы в жизнь вашу входим
по честному праву родства,
Или, если хотите,
по строгим правам первородства.
Ах, какие дожди над осенней Россией опять!
Тихо падают капли
с ветвей наклоненной березы.
Словно плачет над нами Россия,
как старая мать, —
Столько лет все не выплачет
те материнские слезы...

...Журавлиные стаи,
до небес синева.
Из костей прорастает
молодая трава,
И в ржаной позолоте,
и в пылице полевой —
Вы встаете, встаете
для жизни живой.
Вот как крепко сродниться
вы с землею смогли! —
Сами стали частицей
нашей русской земли...

БАЛЛАДА О БАНКЕ ВАРЕНЬЯ

Зачем ты, война,
у мальчишек их детство украла —
И синее небо, и запах простого цветка?
Пришли на заводы
работать
мальчишки Урала,
Подставили ящики, чтобы достать до станка.
И вот неподкупной зимою военного года,
Когда занимался над Камой холодный рассвет,
Собрал самых лучших рабочих
директор завода,
А было рабочим —
всего по четырнадцать лет.
В усталые лица глядело суровое время,
Но каждый в себе
довоенное детство нашел,
Как только рабочую премию —
банку варенья —
Пред ними, мальчишками,
кто-то поставил на стол.
И вот над заводом,
над лесом, в снегу задремавшим,

ОДНОРУКИЙ ПЕЧНИК

Махры не просыпав ни крошки,
Он ловко сигарку свернул.
— А ну, поработай немножко! —
Андрюшке, меньшому, кивнул.
У сына отцовская хватка,
Такой же раздумчивый взгляд.
По-мастерски держит лопатку,
Ровняет, как в ниточку, ряд.
Но, чувствуя важность событий,
Дыханье отца за спиной,
Он хвастает:

— Батя, смотрите,
Как вы, я умею...

одной!

«Рука у тебя золотая», —
Отцу говорят мужики.
Эх, как же ему не хватает
Зарытой под Ржевом руки!
В мозолях, из мяса и кожи,
Живую — еще бы одну!
Чтоб в клубе похлопать
в ладоши,
Обнять. да покрепче, жену.

...Щекою к шинели припала,
Смеялась, редела ревя...
— Ты вот что, Андрюша, не балуй.
Оно ведь сподручней — двумя!

Потом притихшего ребенка
Взял на руки один из них.

Ребенок спал под стук колесный
И до поры не понимал,
Что на него, как старый крестный,
В окно поглядывал Урал —

Вздыхал, в огнях мартенов грелся
И ранним небом голубел.
И голубой вагон на рельсах
Качался, словно колыбель.

МЕТЕЛЬ

Метут метели исстари,
Метут со всех сторон.
Идут метели издали,
Из пушкинских времен.

Они чисты и праведны,
Как боль земных утрат.
В метелях с нами прадеды
По-русски говорят!

Не просто заметь мерзлая,
Ревущая во мгле,
Не просто зависть мертвая
К живущим на земле —

Кричит из белой вечности,
Из звездной мерзлоты
Тоска по человечности
Огня и теплоты!

И вот ко мне доносится
В метельном декабре
Призыв из одиночества,
Как точки и тире.

Слова — то исступлением
Язык учу,
В ответ сердцебиением
Стучу, стучу, стучу.

А если боль запомнится
И будет жить в тебе,
Ну что ж, заплачь, затворница,
Под волчий вой в трубе!

Кричим друг другу,
путаники,
За тридевять земель...
Ведь все мы — просто путники,
Когда метет метель.

РАЗГОВОР С ПРОФЕССОРОМ

Я, пожалуй, весной
запретил бы экзамены.
Я пришел бы к профессору
и попросил:
— Отложите!
Вы поймите, профессор, —
черемуха
в белом неистовом пламени
В личной жизни студентов
одно из немалых событий!
Вы поймите, профессор,
что, в общем,
довольно невесело
Перелистывать книги,
конспекты свои,
Если рядом, в саду,
как студент
за неделю до сессии,
Повторяют ночами
программу свою
соловьи.
Неужели же сердце
у вас навсегда заморозило?

Вы прислушайтесь к песне —
 ей тесно в стенах общежитий.
 На весеннее небо,
 на майскую робкую прозелень —
 Посмотрите на все это
 И отложите!
 ...Встанет с кресла профессор
 и, полки с архивом минуя,
 Выйдет, тростью стуча,
 на залитое солнцем крыльцо.
 А забытая молодость
 вдруг подберется вплотную
 И заглянет в лицо!
 С головой непокрытой
 он будет стоять,
 седовласый,
 Озираясь вокруг
 из-под строгих опущенных век,
 И задумчиво скажет:
 — Не вижу больших разногласий
 Меж природой
 и жизнью людей,
 молодой человек!
 А весна отзовется
 в груди его сердцебиеньем,
 Светлой памятью встреч
 и пройденных когда-то дорог.
 И на тополе юном
 профессор
 неловким движеньем
 Осторожно расправит
 примятый зеленый листок.

* * *

Я чувствую,
 как волосы седеют,
Когда их жжет обида и тоска.
Они сначала
 тихо холодеют,
А после —
 умирают у виска.
Я, верно, в жизни
 что-нибудь да значу,
Найду себя —
 в грозе или в молве.
Но разве я
 по волосам заплачу,
Когда не плачу я
 о голове!

* * *

Молодость сочтя за преимущество,
Только ей, как божеству, кадим.
Надобно особенное мужество,
Чтоб не оставаться молодым.
Солнце светит
 даже и за облаком.
Есть исток и устье у реки.
И цветок,
 чтоб стать под осень яблоком,
По ветру бросает лепестки.

* * *

А. Решетову

Какой-то буйный дар утрачен.
И на какой-то малый миг
Вдруг по-осеннему прозрачен
Передо мной предстанет мир.

Прозрачны травы, звери, люди...
И весело, и страшно мне.
И жизнь видна —
до самой глуби,
Видна — до камушка на дне.

СОДЕРЖАНИЕ

Равновесие	5
Яблоня	6
Камский мост	7
К Ленину	9
Кунгурская быль	10
На Братском кладбище	15
Старая Пермь	16
Чердынский вечер	18
«В каждой сосенке сердцем узнан...»	20
«Вечно Каме по жизни народа струить- ся...»	21
Из цикла «Слово о Березниках»	22
Таежные яблоки	36
Старый поселок	38
Приехали финны	41
«Спасибо вам, леса закамские...»	43
Тишина	44
В деревне	45
«Снова небо дождями намокло...»	48
«Я просто хочу, чтобы ты жила...»	49
Воспоминание	50
Ливень	52
Весеннее	53
В дождь	54

Письмо	55
Черный день	57
«Ждали — к лучшему все переменится...»	59
«Есть дома-нелюдимы...»	60
Стихи о семейной жизни	61
«И вдруг поймешь, что боль уже утихла...»	62
«Ты кому улыбки раздавала?..»	63
Ссора	64
«Не стремительной легкой поступью...»	66
«Зачем же так непоправимо...»	67
«Это главное зло, что красивая ты...»	68
«Я становлюсь беднее с каждым днем...»	69
«Как резко вдруг похолодало!..»	70
Письмо к матери	71
«Я жить хочу в годах пятидесятых...»	72
25 января 1967 года	73
«Без мамы я жить не умею...»	74
«Сквозь березы светло и знакомо...»	75
«И все-таки мы в смерть родных не верим...»	77
«Никого утешать, да и сам утешаться не стану...»	78
Прогулка по Каме	79
Памяти Николая Куштума	81
Букирев	83
Студенты 41-го года	86
Молодые солдаты	88
Баллада о банке варенья	90
Однорукий печник	92
В утренней электричке	94
Метель	96

Модный писатель	98
Разговор с профессором	99
«Я чувствую, как волосы седеют...»	102
«Молодость сочтя за преимущество...»	103
Под звездами	104
«Какой-то буйный дар утрачен...»	105
«В наш век чернить поэзию не смейте...»	106
Удача	107

*Владимир Ильич
Радкевич*

РАВНОВЕСИЕ

Стихи

Рецензенты

Н. ВАГНЕР, А. РЕШЕТОВ

Зав. редакцией
И. ЛЕПИН

Редактор
Н. ГАШЕВА

Художник
В. КАДОЧНИКОВ

Художественный редактор
С. ЛУЗИН

Технический редактор
Л. ТРЕНЕВА

Корректоры
**Г. БОРСУК,
З. СЕЛЮК**

ИБ № 996

Сдано в набор 30. 04. 84. Подписано в печать 04. 07. 84. ЛБ02146. Формат 84×108¹/₆₄. Бум. тип. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 2,94. Усл. кр.-отт. 4,62. Уч.-изд. л. 3,167. Тираж 20 000 экз. Заказ № 288. Цена 50 к. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Радкевич В. И.

Р15 Равновесие: Стихи. — Пермь: Кн. изд-во, 1984. — 107 с.

В сборник вошли новые стихотворения поэта и стихи, издававшиеся прежде.

Р 70402—53
М152(03)—84 28—84

Р2

